

СЕВЕР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА

Историография. Длительное время изучение памятников энеолита и бронзового века севера Западной Сибири сдерживалось рядом факторов. Прежде всего, сказывались отдаленность территории и отсутствие развитой транспортной сети. Это наложило отпечаток на специфику исследований: они проводились индивидуально или небольшими коллективами и носили точечный характер. Информаторы археологов из числа местных жителей, как правило, обращали внимание на кости ископаемых животных либо вещи позднего происхождения, изготовленные из черного и цветных металлов, стекла и камня. Подобные находки выводили ученых на местонахождения плейстоценовой фауны либо объекты эпохи железа или средневековья. Памятники более ранних эпох, слабо фиксируемые на поверхности, оставались менее доступными и изученными.

Прорыв в исследовании культур энеолита—бронзового века Западной Сибири связан с деятельностью В. Н. Чернецова. Опираясь на данные собственных изысканий на рр. Сев. Сосьва, Иртыш и в низовьях Оби (стоянки Хулюм-сунт, Сортынья II, Сузгун II, Салехард I) и материалы коллекций, сосредоточенных с дореволюционного времени в музеях Тобольска, Томска, Свердловска и других городов, он обобщил результаты в работе «Древняя история Нижнего Приобья» [Чернецов 1953]. В монографии впервые была дана характеристика западносибирских древностей эпохи энеолита и бронзы, показано их своеобразие на

фоне синхронных материалов сопредельных территорий.

В 1960—70-е гг. начались исследования памятников эпохи раннего металла на рр. Конда, Тура, Тавда, Васюган, Вах и Обь. Работы проводились археологами Института археологии АН СССР, Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, Томского и Уральского государственных университетов. Исследовательские коллективы перечисленных академических и вузовских центров занимались изучением отдельных археологических микрорайонов, публикацией новых данных и изданием обобщающих трудов.

В 1966 г. была проведена первая ознакомительная поездка на р. Конда ленинградского археолога Л. П. Хлобыстина. Он посетил места, где прежде проводил исследования В. Н. Чернецов. В последующие годы изучением археологических памятников в окрестностях поселков Шугур и Карым, а также на р. Сумпанья занимались свердловские и тобольские ученые. В 1969 г. Л. П. Хлобыстин опубликовал материалы Йоркутинской стоянки, расположенной на полуострове Ямал [1969: 79—83].

В те же годы в приуральской части региона — на рр. Тура и Тавда — проводила изыскания свердловский археолог В. Д. Викторова. Анализируя керамический материал, она наметила основные этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на глиняной посуде эпохи раннего металла—средневековья [1970]. С этого времени в археологической литературе

закрепились такие определения, как «сотниковский, лозьвинский и вагильский типы памятников» бронзового века.

На рубеже 1960–70-х гг. в различных частях Сургутского Приобья начинают работать коллективы археологов из университетов гг. Томска и Свердловска. В ходе раскопок томскому исследователю В. А. Посредникову впервые удалось получить материалы, характеризующие древности бронзового века Ваховского Приобья. Определяя культурную принадлежность находок, автор обратил внимание на их сходство с материалами еловской культуры, но предпочел говорить об их более раннем возрасте, отнеся к числу раннееловских [Посредников 1973: 65–93]. Работы уральцев были сосредоточены в Сургутском Приобье, прежде всего, на Барсовой Горе. Задачи целенаправленного изучения памятников энеолита и бронзового века не ставилось, поскольку основные силы направлялись на раскопки разрушаемых объектов. Тем не менее, накопление источников привело к открытию М. В. Елькиной двух групп поселений позднего бронзового века [1977: 107–110, рис. 3–4]. Позднее они были отнесены к барсовской и атлымской культурам [Васильев 1982: 11; Чемякин, Кокшаров 1991: 106].

Огромный вклад в изучение древностей бассейна Васюгана внес Ю. Ф. Кирюшин. Полученные результаты исследователь обобщил в книге, написанной совместно с А. М. Малолетко [1979]. Ю. Ф. Кирюшин отнес «памятники эпохи раннего металла и бронзового века» к еловской культуре, прошедшей четыре этапа развития: степановский, тухэмторский, тухсигатский и позднееловский. В последней монографии он существенно пересмотрел свои взгляды на культурную принадлежность памятников энеолита–бронзового века Васюганья [2004].

В начале 1970-х гг. почти одновременно выходят обобщающие работы В. И. Матющенко [1973а, б, в; 1974] и М. Ф. Косарева [1974],

посвященные изучению бронзового века Томско-Нарымского Приобья. Авторы обращались к материалам археологических памятников (Самусь IV, Еловское и др.), исследованных коллективом томских специалистов, но расходились во взглядах по ряду ключевых вопросов. В. И. Матющенко представлял бронзовый век как череду сменяющих друг друга самусьской, андроновской, еловско-ирменской археологических культур [1973б: 6]. М. Ф. Косарев разработал и обосновал свою периодизацию бронзового века, отталкиваясь, во-первых, от облика датирующих металлических вещей, во-вторых, от процессов социально-экономического и этнокультурного плана, значительное влияние на которые оказывали изменения окружающей среды [1974: 20]. Другие расхождения касались, в частности, определения возраста ключевых памятников и взглядов на существование единой урало-сибирской общности. Несовпадения мнений двух ведущих археологов и оживленные дискуссии стимулировали научные поиски других исследователей. Наконец, упомянутая работа М. Ф. Косарева явилась хорошим заделом для подготовки другого его обобщающего исследования, посвященного бронзовому веку всего западносибирского региона [1981].

В 1986 г. вышла статья Л. П. Лашука и Л. П. Хлобыстина, в которой были рассмотрены материалы эпохи раннего металла Ямало-Ненецкого округа. Своеобразие коллекций со стоянок Йоркутинской, Пернашор, Тазовской и Хэ-яха дало основание говорить о выделении соответствующих типов памятников и культур. Особое внимание авторов привлекла керамика южноямальской стоянки Хадьта-яха, которая по примесям и особенностям формовки имела сходство с посудой ымыхтахской культуры [1986: 43–50]. Исследователи акцентировали внимание на близость находок с материалами прилегающих районов Западной Сибири и Приуралья.

В конце 1970 — начале 1980-х гг. развитие западносибирского нефтегазового комплекса и развернувшееся строительство транспортных магистралей стимулировало дальнейшие полевые археологические изыскания. К концу 1980 — началу 1990-х гг. количество материалов, датируемых энеолитом и бронзовым веком, резко возросло, что позволило археологам перейти к построению локальных культурно-хронологических схем.

Обобщающие статьи и диссертационная работа, посвященные памятникам и культурам эпохи раннего металла средне- и северотаежного Приобья, были подготовлены Е. А. Васильевым [1982: 3–14; 1983б: 40–62; 1989]. Исследованиями материальной культуры в сургутском микрорайоне занимался Ю. П. Чемякин [1989; 1994]. С. Ф. Кокшаров наметил этапы развития культуры населения бассейна р. Конда [1991; 1993б]. Проблемы взаимоотношений лесного и андроновидного населения сузгунской культуры в южнотаежном Тоболо-Иртышье затронуты в работах В. Т. Галкина [1991]. С сожалением можно констатировать, что ни одна из исследовательских работ не опубликована в виде монографии. Исключение составляет публикация И. Г. Глушкова и Т. М. Захожей, посвященная изучению керамики позднего бронзового века Нижнего Прииртышья [2000].

На рубеже XX–XXI столетий поиски археологов были расширены и ориентированы на слабоизученные районы севера Сибири. Интереснейшие памятники и объекты изучались археологами Уральского и Томского университетов в бассейне Казыма [Стефанов 2001: 35–42; 2006: 44–58; Морозов и др. 2001: 26–34], Надым-Пуровском междуречье [Косинская 2000: 14–18] и на Южном Ямале [Васильев 2000: 263–270].

К числу наиболее важных вопросов, связанных с изучением эпохи раннего металла, безусловно, относится проблема зарождения ме-

таллообработки. Это объясняется тем, что равнинная часть севера Западной Сибири совершенно лишена рудной базы и ее население, нуждавшееся в металле, испытывало зависимость от своих соседей. Изготовление изделий требовало специальных знаний и навыков, что привело со временем к неизбежному разделению труда внутри коллективов рыболовов-охотников и выделению из их числа мастеров-литейщиков.

Отдельная исследовательская тема древней истории региона — происхождение и развитие фортификационного дела. Именно на эпоху раннего металла приходится массовое появление таких специфических памятников, как укрепленные жилища. Однако, несмотря на многолетние исследования, никто из археологов не решился провести раскопки подобных объектов для последующей реконструкции.

Понимание исторических процессов, происходивших на данной территории в эпоху раннего металла, осложнено, с одной стороны, неравномерной изученностью северных районов, с другой, слабой представительностью поселенческо-погребальных комплексов. Картина усугубляется плохой сохранностью антропологических останков, которая обусловлена щелочным составом почв. Кроме того, исследователи эпохи раннего металла избегают моделирования социально-экономических процессов. Исключение составляет изучение миграций древнего населения, которые обычно прослеживаются по наиболее массовому материалу — керамике, реже по находкам каменных и металлических орудий, оружия. В этой связи любопытные сюжеты возникают при изучении местных древностей сейминско-турбинского времени. Впрочем, до тех пор, пока на археологической карте не исчезнут белые пятна, рассуждения о миграциях будут оставаться чрезвычайно уязвимыми. К сожалению, именно ими ограничена интерпретационная часть большинства археологических исследований. С темой миграций тесно связан

вопрос о взаимоотношениях обществ, ориентированных на присваивающие и производящие формы хозяйства, и процессы их взаимовлияния в контактных зонах.

Одной из наиболее острых проблем в изучении эпохи раннего металла остается отсутствие достаточного количества абсолютных дат, которые бы позволили откорректировать имеющиеся типолого-хронологические схемы отдельных микрорайонов севера Западной Сибири. Наконец, региональные периодизации энеолита и бронзового века слабо согласуются с соответствующей схемой, предложенной для северной Евразии.

Проблема периодизации. Прошла четверть века с момента выхода первой обобщающей работы по бронзовому веку Западной Сибири, подготовленной М. Ф. Косаревым [1981]. С положениями, содержащимися в монографии, сверяли результаты своих исследований многие известные археологи [см. например: Грушин 2002: 84–87]. По периодизации М. Ф. Косарева, переходное время от неолита к бронзовому веку названо эпохой раннего металла, в нем выделены энеолит и ранний бронзовый век [1993]. Развитый бронзовый век разбит на «сейминскую» и «андроновскую» эпохи. Далее выделены поздний бронзовый век и переходное время от бронзового века к железному. По мнению автора, каждому из обозначенных временных отрезков соответствует определенный типолого-хронологический пласт или культурно-хронологический горизонт. Этапы выделены исследователем по декоративно-морфологическим особенностям керамики и сопутствующим ей остаткам металлообработки, изделиям из камня и т.п.

Несколько ранее другой московский археолог, Е. Н. Черных, предложил рассматривать энеолит и собственно бронзовый век на территории СССР в качестве сменяющихся этапов эпохи раннего металла [1978]. Изложенная им

периодизация основана на изменениях типов металлообработки и употреблении новых видов сплавов. Перечисленные изменения происходили в рамках трех основных металлургических провинций (МП) энеолита—бронзового века, сменявших друг друга во времени: Балкано-Карпатской, Циркумпонтийской и Евразийской (соответственно, БКМП, ЦМП, ЕАМП). Основываясь на технологическом принципе, Е. Н. Черных разделил бронзовый век на три периода — ранний, средний и поздний. Согласно его периодизации, древности Западной Сибири связывались с памятниками сейминско-турбинского и андроновского облика и укладывались в рамки позднего бронзового века (время функционирования ЕАМП).

В конце 1980-х гг. Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых уделили пристальное внимание находкам, связанным с сейминско-турбинским транскультурным феноменом, а также остаткам металлообработки в таежной зоне Западной Сибири. Главный вопрос заключался в выяснении соотношения между изделиями сейминско-турбинского и самусьско-кижировского облика. Проанализировав собранные данные, авторы пришли к заключению, что таежное западно-сибирское (самусьское) производство отражает особенности металлообработки местного населения Северо-Западной Сибири и «уходит корнями в более раннее сейминско-турбинское» [Черных, Кузьминых 1989: 259]. Исходя из их выводов, возникновение металлообработки на севере Западной Сибири вызвано своеобразным «культурным толчком», оказанным извне мигрирующими сейминско-турбинскими племенами.

К началу 1990-х гг. археологами Тобольского пединститута и Уральского госуниверситета были обнаружены следы металлообработки, безусловно, относящиеся к досейминскому периоду. Это технологическая керамика (тигли, литейные формы) и изделия из металла, связан-

ные со слоями ранних полымьятских поселений Лева VIII и Геологическое III (бассейн р. Конда) [Визгалов 1988: 51; Кокшаров 1991: 95]. Новые материалы привлекли внимание специалистов, и в 1993 г. были даны первые оценки этого явления. С. В. Кузьминых предложил отнести к числу *квазиэнеолитических* те «таежные постнеолитические культуры и памятники, в которых наблюдаются относительно несложные приемы металлургии и металлообработки меди», которые «ориентированы на охоту и рыболовство» и «не входят в систему определенной металлургической провинции, но синхронны ей». По его мнению, население северных, в том числе и таежных районов, непосредственно из квазиэнеолита вступает в поздний бронзовый век [Кузьминых 1993: 117–119]. К сожалению, мнение, высказанное С. В. Кузьминых, не привело к дискуссии. Термин «квазиэнеолит» так и не прижился у археологов Урала и Сибири. Несмотря на разработки Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, значительная часть исследователей по-прежнему отдает предпочтение периодизации бронзового века, предложенной М. Ф. Косаревым.

В схемах Косарева и Черных—Кузьминых имеются свои сильные и слабые стороны, думается, что было бы правильнее их не противопоставлять, а рассматривать как взаимодополняющие. Естественно, периодизация эпохи раннего металла севера Западной Сибири должна рассматриваться как региональная, но в ней следует максимально полно учитывать позиции всеобщей периодизации, основанной на технологическом принципе.

Исходя из вышеизложенного, на данной территории можно выделить памятники и культуры энеолита и бронзового века. По отношению к энеолитическим древностям, в силу их специфики, вполне допустим термин «квазиэнеолитические» в понимании С. В. Кузьминых. Сопоставив периодизации М. Ф. Коса-

рева и Е. Н. Черных и приняв во внимание технологические изменения в обработке металла и форм металлических изделий, логично выделить три периода бронзового века: досейминский, сейминский и постсейминский. Это позволит отойти от некорректно используемых в урало-сибирской археологии определений «ранний» и «развитый бронзовый век», поскольку они не отражают технологических изменений, положенных в основу периодизации эпохи раннего металла всей Северной Евразии. Подобный подход позволяет синхронизировать памятники досейминского времени Западной Сибири с древностями среднего бронзового века Евразии, а сейминские и постсейминские комплексы — с позднебронзовыми. Вместе с тем, сильной стороной региональной схемы М. Ф. Косарева следует считать относительную хронологию древностей, разработанную на изменениях в форме и орнаменте керамики, подкрепленную также стратиграфическими наблюдениями. Она незаменима в тех случаях, когда ставится под сомнение связь объектов, керамики или каменного инвентаря с датирующими вещами (изделиями из металла, литейными формами и т.д.) или не вызывают доверия абсолютные даты.

Энеолит. III тыс. лет до н.э. (рис. 1). Энеолитические памятники Западной Сибири представлены местонахождениями, долговременными и сезонными поселениями охотников и рыболовов, одиночными грунтовыми захоронениями и могильниками. Судя по антропологическим останкам, захоронения проводились по обрядам ингумации и кремации. В горно-лесной зоне Урала известны торфяниковые стоянки и наскальные рисунки этого времени.

Ввиду того, что первые следы обработки металла и изделия из него на севере Западной Сибири единичны, энеолитические древности распознаются по орнаменту на керамической посуде, появлению на южнотаежных памятниках глиняных рыболовных грузил, специфичес-

ких каменных шлифованных наконечников стрел с выступающими жальцами, а также абсолютным датам.

В составе энеолитических комплексов преобладает посуда с круглым дном. Внешние ее стенки покрывают геометрические узоры: вертикальные колонки, зигзаги, чередующиеся с незаполненными полями. Некоторые орнаменты построены на основе рассеченных сеток с квадратными, ромбическими или шестиугольными ячейками, напоминающими поле шахматной доски или пчелиные соты.

Параллели этим материалам обнаруживаются к западу и югу, на керамике с поселений кысыкульской, суртандинской, аятской и липчинской культур горно-лесной части Южного и Среднего Урала [Крижевская 1977: 7–48; Старков 1980: 147–157; Косарев 1981: 27–32, 37–45; Матюшин 1982]. Сходство материалов подталкивает археологов к объединению ряда комплексов: допускается, например, существование кысыкульско-суртандинской и липчинско-аятской культур [Корочкова и др. 1991: 91; Мосин 2003: 52]. В. С. Мосин усматривает значительную близость аятской керамики как с кысыкульско-суртандинской, так и с ботайской и северо-тургайской Северного Казахстана. Кроме того, он сомневается в правомерности выделения липчинской культуры и рассматривает липчинскую керамику в качестве примеси в аятских и кысыкульско-суртандинских слоях [Мосин 2003: 75, 78–79]. Близость декора на керамике памятников горно-лесного Урала и прилегающих районов Сибири, включая Северный Казахстан, обращала на себя внимание исследователей. Они нередко объединяют энеолитические культуры этих территорий в составе культурно-исторических общностей или областей.

В горно-лесной части Урала и в южнотаежной зоне Западной Сибири (оз. Андреевское в Притоболье и Васюганье) обнаружены самые ранние и достоверные следы обработки меди и

вещи из нее [Юровская 1973: 6, рис. 1, 1–2; 1975: 89, рис. 2, 4; Кирюшин 2004: 53, рис. 71, 1–2]. Несмотря на зачаточный облик местной металлообработки, находки документируют вступление местного населения в эпоху раннего металла. Особенности региональной периодизации проявляются в том, что древности этого времени рассматриваются археологами как энеолитические, хотя они синхронны ямно-полтавкинскому металлургическому очагу среднего бронзового века, базировавшемуся на Каргалинских рудниках. Решающая роль в становлении металлообработки у местного уральского населения также принадлежала скотоводам, оставившим поздние ямные (ямно-полтавкинские) памятники [Черных 1970: 106–107; 1978: 64].

В это время на керамике северных памятников — в верховьях Конды, на Сев. Сосьве, Казыме и Нижней Оби, а также к западу от Урала — появляются узоры, выполненные гребенчатými штампами в виде арочек [Стоколос 1986: 100]. В южнотаежной части Западной Сибири получила распространение керамика с отпечатками ткани или ее имитацией. Эта черта продолжает сохраняться и позже, в начале бронзового века, на сосудах досейминского времени.

В составе энеолитических комплексов на территории Зауралья и таежного Приобья неизменно присутствуют специфические шлифованные наконечники стрел с продольными желобками и выступающими жальцами, в приуральской части Западно-Сибирской равнины нередки каменные подвески каплевидной или округлой форм, а для южно- и среднетаежных районов — грузила для рыболовных сетей в виде глиняных палочек.

В настоящее время лучше других изучены энеолитические памятники р. Конда и Нижнего Притоболья. Эти районы, занимающие срединное положение между Нижним Иртышом и восточноуральскими реками (притоками Тобола),

были открыты для культурных влияний населения обширных прилегающих территорий. Это отразилось на облике керамики, имеющей сходство с хорошо изученными уральскими древностями.

Исследование одно- и многослойных поселений в бассейне рр. Тавда и Конда позволило разделить энеолитические комплексы на ранние и поздние. В дальнейшем был очерчен круг синхронных им памятников на территории Притоболья и Урала и намечены два типолого- или культурно-хронологических пласта: липчинско-ботайский и волончинско-андреевский [Кокшаров 1993а: 88–90]. Если на раннем этапе следы обработки металла фиксируются исключительно на липчинских и суртандинско-кысыкульских памятниках Урала [Чаиркина 1995; Мосин 2005], то на позднем тигли и ошлакованные черепки обнаруживаются на поселениях андреевской культуры Нижнего Притоболья [Ковалева 1993: 14, 32].

Энеолитические памятники и культуры к северу от Кондинской низменности не исследовались целенаправленно. Наименее изученными остаются приполярные районы Нижнего Приобья. Очень часто археологи видят в происходящих отсюда материалах, прежде всего, в орнаменте и особенностях формовки керамики, черты, имеющие соответствия с культурными типами смежных территорий. Например, к числу памятников шапкульской культуры отнесена стоянка в черте г. Салехарда [Старков 1980: 198]. Другие памятники Нижнего Приобья объявляются либо родственными чужьяёльской культуре [Стоколос 2001: 13], либо совершенно самостоятельными, относящимися, например, к ортинской культуре [Лашук, Хлобыстин 1986: 44–45].

Вместе с тем, в районах Нижнего Приобья открыты и раскопаны памятники, которые можно отнести к числу базовых. Среди них поселения Амня IА, II, Каксинская Гора 3 (бас-

сейн Казыма), Хулюм-сунт, поселение на Ясунтском озере (бассейн Сев. Сосьвы) и поселение на р. Сыня. В определении времени бытования перечисленных объектов исследователи обращают внимание на облик керамического материала, имеющего соответствия с находками из Зауралья. Это сходство они объясняют миграциями зауральского и притобольского населения и последующими ассимилятивными процессами.

Изучение Нижнего Приобья привело к открытию энеолитических памятников северососьвинского и унига типов. Значительная часть материалов с поселения Сартынья I, привлеченная для характеристики северососьвинского типа [Васильев 1983б: Рис. 4, 4–10; 1989: 9–10], включает, на мой взгляд, керамику бронзового века. В этой связи выделение данного типа представляется неубедительным. Определенные сомнения возникают также относительно возраста комплексов типа унига. Полевые материалы и находки с поселения Унига I не публиковались, поэтому некоторые исследователи рассматривают их в одном ряду с керамикой Йоркутинской стоянки, не видя особых различий между ними [Косарев 1993: 50].

Сложнее определить круг энеолитических памятников в Сургутском Приобье, где грань между комплексами позднего неолита и энеолита не столь отчетлива [Чемякин, Карачаров 2002: Рис. 3–6]. В значительной степени это объясняется своеобразием сургутских материалов, отличающихся от энеолитической посуды приуральской части Западной Сибири. Тем не менее, исходя из особенностей сургутской керамики, исследователи выделяют пять культурных типов. Четыре из них выделены по материалам Барсовой Горы и один по материалам р. Вах.

Энеолитические древности Барсовой Горы объединяются в четыре группы памятников. Первая группа, по мнению Ю. П. Чемякина, имеет местные неолитические корни и представляет энеолитическую стадию развития барсо-

вогорских древностей. Вторая группа имеет сходство с артыньскими и атымьинскими комплексами Прииртышья и Северного Зауралья. Третья культурная группа включает памятники с посудой, украшенной гребенчатой орнаментацией. Четвертая группа предположительно соотносится с кругом игрековских памятников. В нее включен единственный на Барсовой горе могильник — Барсовский II [Чемякин, Карачаров 2002: 21].

Керамика ваховского типа происходит с поселений переходного времени от неолита к бронзовому веку (последняя треть III — начало II тыс. до н.э.). Они расположены на широтном отрезке Оби, включая Барсову Гору. «Наиболее яркие и характерные черты ваховской керамики — гребенчатость, геометризм, четкая зональность» [Васильев 1989: 13].

В 2004–05 гг. в бассейне р. Аган был обнаружен еще один энеолитический могильник, расположенный под средневековым слоем городища Старые Покачи 5 [<http://karacharov.ru>]. Отсутствие в погребениях керамики затрудняет определение его культурной принадлежности. Наличие в могилах шлифованных наконечников с продольными желобками и выступающими жалами позволяет синхронизировать его с другими энеолитическими захоронениями Западной Сибири и Урала (погребения на оз. Ясунт и поселения Леуши XIV, могильник на Большом Андреевском острове, одиночное погребение на Аятском поселении) [Берс 1976; Беспрозванный, Старостина 1986: 33–38; Зах, Зотова, Панфилов 1991: 19–39; Васильев 1996: 36–40, рис. 1, 3–9]. Время существования могильника Старые Покачи устанавливается по пяти абсолютным датам, укладываемым в интервал 2700–2300 лет до н.э.

Сложности возникают и с определением культурной принадлежности энеолитических памятников Васюганья. Некоторые из них, например, поселение Тух-Сигат IV, относятся иссле-

дователями к екатерининской культуре [Зайберт 1993: 155; Косарев 1993: 37]. Однако автор раскопок, Ю. Ф. Кирюшин, видит в них локальный вариант среднеиртышской культурной общности [2004: 56, 58].

В настоящее время назрела необходимость создания дробной шкалы энеолитических древностей Западной Сибири.

Бронзовый век. Бронзовый век на севере Западной Сибири охватывает период с рубежа III–II тыс. до н.э. по VIII в. до н.э.

Досейминский период (рис. 2). Начало бронзового века соотносится со временем массового приобщения северного населения к литейному делу. Это происходит либо на рубеже III–II, либо в начале II тыс. до н.э. на пространствах от лесостепного Притоболья и Барабы (ранние памятники ташковского, кротовского типов, одиновские комплексы) до Южного Ямала (поселения типа Вары-Хадьга II). В таежной зоне к наиболее архаичным памятникам бронзового века относятся ранние сартыньинские и полымьятские поселения (соответственно, территории Нижнего Приобья и р. Конда), кульганские (Среднее Приобье и Надым-Пуровская низменность), степановские (Обь-Иртышское междуречье) и игрековские (правобережье Томско-Нарымского Приобья) комплексы.

На памятниках досейминского периода выделяются два этапа в развитии металлообработки. Наиболее полно это отражено на ранних и поздних поселениях полымьятского типа в бассейне р. Конда. В ранних комплексах присутствует ошлакованная керамика, обломки тиглей, открытые или односторонние литейные формы, одно керамическое сопло, капли металла и изделия из него. Химический состав указывает на уральское происхождение металла. В формах отливались заготовки — полуфабрикаты двух типов: в виде трапеций и в виде стержней, которые обрабатывались формующей ковкой. Из одних изготавливались плоские тесла, из дру-

Керамические сосуды. Энеолит.
Поселение Атымья VII. Река Атымья (приток реки Пелым)

Керамический сосуд и рыболовные грузила. Энеолит.
Поселения Атымья VII и IV

Рыболовные грузила. Энеолит.
Поселение Геологическое III. Река Эсс (приток реки Конда)

Раскопки поселения Геологическое III. Мезолит — бронзовый век

Энеолитические погребения на городище Старые Покачи 5. Река Аган

Остатки мастерской бронзового века на поселении Ендырское VIII.
Река Ендырь. Нижняя Обь

Зачистка культурного слоя на поселении Геологическое XVI.
Река Эсс (приток реки Конда)

Очертания жилища бронзового века на поселении Геологическое XVI

Сердечник для втулки копья и створки литейных форм кельтов. Бронзовый век.
Поселение Пашкин Бор I. Река Конда

Створка литейной формы кельта. Бронзовый век.
Культовый комплекс Сайгатино VI. Сургутское Приобье

Кремневые наконечники стрел. Бронзовый век.
Поселения Пашкин Бор I и Геологическое III. Бассейн реки Конда

Каменные тесла и топоры. Бронзовый век.
Поселения Геологическое III (бассейн реки Конда) и Низямы VIII (река Обь)

Рыболовные грузила. Бронзовый век.
Поселения Пашкин Бор I и Геологическое III.
Штампы-орнаменты. Бронзовый век.
Поселение Низямы VIII и культовый комплекс Сайгатино VI

Керамические сосуды. Бронзовый век.
Поселение Барсов городок I/22а. Сургутское Приобье

Антропоморфное изображение на сосуде. Энеолит.
Поселение Старый Хангокурт II. Бассейн реки Северная Сосьва

Скульптурное изображение млекопитающего. Бронзовый век.
Поселение Низямы VIII. Нижняя Обь

гих — небольшие ножи, долота, шилья и украшения. Подобные технологические схемы были очень популярны у мастеров Циркумпонтийской МП, и, судя по всему, можно говорить об их заимствовании таежными мастерами. Становление металлообрабатывающего производства на севере Западной Сибири было связано с опосредованным влиянием металлургических и металлообрабатывающих очагов Циркумпонтийской МП на позднем этапе ее развития.

Памятники Конды синхронны ранним кротовским комплексам Барабы и Прииртышья (поселения Преображенка-3, Венгерovo-2, Инберень X), где обнаружены сходные формы для отливки стержней [Молодин 1985: 58, рис. 28, 3, 4, 8, 9; Стефанова 1985: 57, рис. 2, 8], и одинарными поселениям Барабинской лесостепи, с которых происходят тигли (?) подпрямоугольной формы, напоминающие матрицы для плоских тесел [Молодин 1981: 70, рис. 9, 1]. Находки на поселении Инберень X проволочных очковидных подвесок с внешними спиралями [Стефанова 1985: 57, рис. 2, 3, 8] позволяют синхронизировать его с абашевскими комплексами. Односторонние литейные формы для ножей и шильев отмечены и на поселении Самусь IV [Матющенко 1973: 26–27], правда, не установлена их прямая связь с самусьской и поздней гребенчато-ямочной керамикой. Думается, что в этот же хронологический горизонт должны быть помещены и ранние памятники ташковской культуры Притоболья. Таким образом, имеющиеся материалы досейминского времени демонстрируют технологии среднего бронзового века, в который входит западносибирский регион непосредственно из энеолита (квазиэнеолита), минуя ранний бронзовый век.

На поздних полымьятских поселениях нижнего течения Конды встречены матрицы и сердечники для производства втульчатых орудий и оружия (кельты, долота или некрупные копья). Судя по негативам, кельты в попере-

ном сечении были овальными, а не шестигранными (!), имели укороченные пропорции, втулки, иногда усиленные валиками, единичные экземпляры снабжались сечкообразными лезвиями. Перечисленные морфологические особенности не смущают специалистов, и они однозначно относят продукцию литейщиков Конды к изделиям самусьского типа (разряды К-38 и К-42) [Черных, Кузьминых 1989: 148, 152, рис. 75, 3, 5; рис. 77, 6]. На связи кондинского населения с западными соседями, поставившими металл, указывает находка уральской керамики с тальком на поселении Пашкин Бор VI.

К новой технологии литья в закрытые формы переходит южнотаежное и лесостепное население, обитавшее к юго-востоку и востоку от Конды. Производство копий и кельтов отмечено на раннееловском (?) поселении Тух-Сигат IV в Васюганье, на поздних памятниках кротовской культуры Черноозерье VI и Каргат-6 [Молодин 1985: 88; Стефанова 1988: 69; Кирюшин 2004: 82–84].

Эти материалы демонстрируют технологии позднего бронзового века, хотя его отсчет предложено вести с появления в Евразии древностей сейминско-турбинского круга. Вполне допустимо, что поздние полымьятские, кротовские и степановские комплексы, в которых обнаружены литейные формы втульчатых орудий и оружия, а также сами изделия, сосуществуют с памятниками сейминского облика, занимающими в целом более высокую хронологическую позицию.

Любопытно, что на других поздних полымьятских поселениях, расположенных на водоразделе рр. Конда и Сев. Сосьва, а также в одновременной им литейной мастерской на р. Ендырь (Нижнее Приобье), продолжалось производство заготовок в виде стержней и трапедий. Правда, они отличаются от ранних отливок массивностью [Кокшаров, Погодин 2005: 109–110, 112, рис. 7, 1–3].

При работе с материалами других памятников севера Западной Сибири, где остатки литейного производства досейминского облика не столь многочисленны или выразительны, исследователи обращают внимание на технологические и декоративно-морфологические особенности керамики и облик сопутствующего инвентаря.

Начало бронзового века отмечено повсеместным переходом к изготовлению плоскодонных банок и постепенным исчезновением из обихода круглодонных сосудов. В лесостепных и прилегающих к ним районах, от Северного Казахстана до южнотаежной зоны, при лепке сосудов применялась тканая основа или ее имитация (степановские, одиновские, ранние полымьятские памятники). Часть поздней полымьятской керамики, ташковской и степановской посуды формовалась на сосудах-шаблонах. Использование горшков-шаблонов, обтянутых тканью, было очень распространено у гончаров синташтинской, петровской и раннеалакульской культур, т.е. в конце среднего — начале позднего бронзового веков.

В досейминский период проявляются различия керамики южных и северотаежных районов Западной Сибири. Керамика с южных памятников имеет обычно стандартную форму и декорируется разновидностями «движущейся гребенки» (шагающей, отступающей, проташенной), образующей довольно плотные монотонные узоры (степановская, кротовская, полымьятская, отчасти посуда ташковского типа). Сходство орнаментации привело к попытке объединения лесостепных и южнотаежных памятников Западной Сибири и предгорного Алтая в «кротовско-елунинскую общность» [Косарев 1993: 84].

Для средне- и северотаежной зон приуральской части региона традиционна посуда (блюда или чаши) овальной, квадратной, прямоугольной форм. Наблюдается возрастание количества керамики, декорированной горизон-

тальными геометрическими узорами, которые построены на основе рассеченных сеток с ромбическими или шестигульными ячейками. Керамику северных памятников отличает присутствие в орнаменте ленточных узоров. Это либо горизонтальные пояса, либо зигзаги, из углов которых отходят ответвления. Часто ленты оконтурены рядами ямок или наколами гребенчатых штампов. Сетчатый (сотовый) геометризм ярче всего представляется на керамике сартыньинской культуры и поздних полымьятских памятников верховьев Конды, восточнее он встречается на единичных сосудах кульеганского и степановского типов. Оконтуренные ленты, ромбы, сетки обнаруживаются в декоре коптыковской посуды Среднего Зауралья [Косарев 1981: Рис. 25, 2, 3, 5; 26, 1, 2, 6]. Сходные декоративные признаки прослеживаются на посуде тазовской культуры и кульеганских комплексах Надым-Пуровской низменности [Косинская 2000: Рис. 4]. В настоящее время можно констатировать, что керамические комплексы северных территорий по-своему оригинальны, и, по-видимому, неправомерно рассматривать их в качестве некоего «гребенчато-ямочного субстрата».

В досейминских комплексах встречаются каменные подвески-лунницы и черешковые двустороннеобработанные наконечники стрел. На поселениях среднетаежной и лесостепной зон часто находят глиняные грузила для сетей в виде палочек с Т-образными и раздвоенными концами (полымьятские, ташковские и кротовские памятники). В Сургутском Приобье и на Васюгане для крепления к сети на грузилах выполнялись желобки и сквозные отверстия (степановские и кульеганские комплексы).

В рассматриваемое время рыболовы и охотники тайги овладели не только передовыми технологиями в обработке металла. Сначала лесостепное, а затем и южнотаежное население знакомится с производящим хозяйством. Кости до-

машинных животных (лошади, крупного и мелкого рогатого скота) обнаружены в лесостепной зоне в культурных слоях ташковской и кротовской культур [Молодин 1985: Табл. 3; Стефанова 1988: Табл. 9; Ковалева 1997: 40]. Кости и зубы нескольких особей низкорослой лошади происходят с поселения степановской культуры Тух-Эмтор IV (бассейн Васюгана) [Кирюшин 2004: 68].

Хозяйственная специализация южных и северных групп западносибирского населения, культурное окружение, в котором они находились, отразились на облике поселений и жилищ. Жители лесостепного Притоболья, оставившие памятники ташковского типа, проживали в поселках из 12–17 жилищ, образывавших замкнутый круг [Ковалева 1997: Рис. 3–5; Ковалева, Рыжкова, Шаманаев 2000: Рис. 5]. Таежные общины, населявшие бассейн Конды, Нижнее и Сургутское Приобье, строили в местах постоянного проживания укрепленные дома большой площади, окруженные по периметру оборонительными стенами и рвами [Стефанова, Кокшаров 1988: 161–162]. В. А. Борзунов, изучивший остатки укрепленных жилищ, определил их как уникальное явление на севере Евразии [1999: 7]. Кроме крупных домов в местах ведения промыслов рыболовы и охотники строили жилища площадью 20–68 кв. м. К данному времени относится возведение специализированных построек-мастерских по обработке металла и камня [Кокшаров, Погодин 2005].

Самая существенная проблема досейминского периода севера Западной Сибири связана с определением его хронологических границ. Это обусловлено тенденцией удревнения сейминско-турбинских памятников Евразии, что неизбежно влечет за собой пересмотр датировок предшествующих культур. До получения представительных серий абсолютных дат для досейминских древностей было бы правильнее придерживаться относительной хронологии, разработанной на основе керамических комплексов.

Сейминский период (рис. 3). В 1980–90-е гг. на севере Западной Сибири был выявлен ряд археологических памятников, которые можно уверенно отнести к сейминскому периоду. Это такие объекты, как могильник Сатыга XVI и поселение Ленино на р. Конде, культовый комплекс Сайгатино VI в Сургутском Приобье, могильник Товкуртлор 3 на р. Казым.

Наиболее массовый материал с памятников — керамика варпаульского типа: плоскодонные банки, имеющие иногда ребристый переход от тулова к придонной части, и слабопрофилированные горшки, украшенные упрощенными гребенчатыми узорами [Кокшаров 1991: Рис. 2, 34–35, 38–41; Кокшаров, Чемякин 1991: Рис. 1]. На тулове отдельных сосудов отмечены зоны, свободные от орнамента. Встречаются емкости подпрямоугольных или овальных форм, миниатюрные квадратные чашечки.

Присутствие в варпаульских комплексах сосудов горшечных форм придает им более поздний облик по сравнению с полымьятскими, сартыньинскими, кульёганскими и др., где преобладает баночная посуда. Рассматривая керамику Сайгатино VI, М. Ф. Косарев отмечает, что она более всего напоминает раннееловскую, а также «ненарядную» посуду черноозерско-томского варианта федоровской культуры [1981: 118–132; 1993: 98]. Соответствия варпаульской керамике по форме и орнаменту можно увидеть в посуде, происходящей с Томского могильника на Малом Мысе, Еловского II [Косарев 1981: Рис. 42, 4–6, 8; 44, 1, 3, 5] и Черноозерского I могильников (погребения 15, 39, 81, 122, 123) [Генинг, Стефанова 1994: Рис. 3, 4, 6, 14, 19, 20; Рис. 28, 1–2], могильника Ростовка [Матющенко, Синецкина 1988: Рис. 11, 6–7; 81, 5].

Несмотря на высокую степень сходства керамики перечисленных памятников, состав сопутствующих вещей на каждом из них вариабелен. Особенно ярко это проявляется на предметах, связанных с металлообработкой.

На самом южном из могильников — Сатыге XVI — сопроводительный инвентарь имеет ярко выраженный сейминско-турбинский облик, что позволяет ставить его в один ряд с такими некрополями, как Сейма, Турбино, Ростовка, Сопка-2. Здесь найдены литейные формы пластинчатого ножа и кельтов (разряд К-10) [Черных, Кузьминых 1989: 46], ножи турбинского типа, нож срубно-андроновского типа, ножи-скобели, пластинчатые долота, кремневые наконечники стрел треугольной формы с прямым основанием и крупные асимметричные ножи (или наконечники дрогиков?), каменная булава, костяные накладки.

Своеобразие комплекса Сайгатина VI определяется наличием литейных форм кельтов самусьского и кижировского типов (разряды К-36 и К-46) [Черных, Кузьминых 1989: 148, 152, рис. 75, 1–2; 77, 7], двусторонней матрицы для отливки кольца с антропоморфным изображением внутри. Вместе с тем, среди находок имеется каменная булава и костяные накладки [Кокшаров, Чемякин 1991: Рис. 3, 5], т.е. вещи, идентичные сатыгинским. Форма ложноушкового кельта кижировского облика, выполненная из талькохлоритового сланца, указывает на западные уральские связи. Об ином направлении контактов местного населения свидетельствует химический состав втульчатого предмета из оловянистой бронзы, имеющей, по мнению С. В. Кузьминых, южное алтайское происхождение.

Инвентарь, связанный с обработкой металла, и металлические изделия с поселения Ленино и могильника Товкуртлор 3 единичны и невыразительны. Вместе с тем, каменный инвентарь могильника, в частности, наконечники стрел, выполненные из тонкозернистого серого кварцитопесчаника и кремня, аналогичны сатыгинским [Стефанов 2006: 53–54].

Залегание керамики варпаульского типа в одних комплексах с вещами сейминско-тур-

бинского типа, самусьскими и кижировскими литейными формами кельтов свидетельствует об их синхронности. Таким образом, появляются основания считать, что варпаульские комплексы отражают особенности культуры таежного населения Западной Сибири сейминского времени. Обозначившийся пласт памятников варпаульского типа еще предстоит всесторонне изучить, но, думается, пока преждевременно связывать их появление с мигрирующим по таежному Обь-Иртышью сейминско-турбинским населением [Черных, Кузьминых 1989: 269–276; Стефанов 2006: 57].

Материалы досейминского периода бронзового века свидетельствует о том, что традиции металлообработки на севере Западной Сибири имеют глубокие корни. Обитатели тайги уже в досейминское время освоили технологии позднего бронзового века. В сейминское время они наладили обмен сырьем и натуральными продуктами со своими соседями и получали от них необходимую информацию об усовершенствовании процесса литья металла. Благодаря установившимся связям они получили более практичные литейные формы из талька (Сайгатина VI и, вероятно, Товкуртлор 3). По-видимому, расцвет металлообработки привел к разделению труда в некоторых общинах таежных рыболовов и охотников [Кокшаров 1992: 14] и выделению из числа общинников мастеров-литейщиков (Сатыга XVI) [Черных, Кузьминых 1989: 23]. Погребения литейщиков на могильниках Ростовка и Сопка-2 [Матющенко 1988: 10, 30–31; Молодин 1983: 96–109] указывают на сходные изменения в структуре общин Среднего Прииртышья и Барабинской лесостепи. На мой взгляд, правильнее говорить не о миграции носителей передовых технологий металлообработки — своеобразных «культуртрегеров» в лице представителей сейминско-турбинских племен, а о восприятии северным населением новых технологий обработки металла.

Широкое использование однотипных вещей из металла, глины (бытовая и технологическая керамика), камня и кости на памятниках варпаульского типа севера Западной Сибири объясняется существованием интенсивных связей не только в западносибирском регионе, но и в целом на севере Евразии.

Принимая во внимание обозначившуюся тенденцию к удревнению памятников сейминско-турбинского круга [Черных, Кузьминых 1989: 261; Кирюшин 2002: 80, 82; Грушин 2004: 160; Юнгнер, Карпелан 2005: 112; Елимахов и др. 2005], нижняя граница варпаульских древностей также может быть отнесена к более раннему времени. Вместе с тем, схожесть варпаульской керамики с черноозерско-томскими комплексами андроновской культурно-исторической общности, датируемыми последними веками II тыс. до н.э. или XIV—XIII вв. до н.э. [Косарев 1981: 131; Корочкова и др. 1991: 80, 84], противоречит первому положению, и, напротив, омолаживает их. Если будет доказано, что андроновские, алакульские и сейминские комплексы в целом синхронны и располагаются чересполосно, а имеющиеся материалы как будто бы этому не противоречат, то это приведет к пересмотру культурологической модели сейминско-турбинского феномена, предложенной Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых.

Постсейминский период (рис. 4). Для обозначения постсейминского периода в истории южных районов Западной Сибири используется обычно термин «андроновская эпоха», хотя правильнее говорить о времени существования культур андронидного и ирменского круга. На мой взгляд, понятие «постсейминский период» более точно, т.к. согласуется с периодизацией эпохи раннего металла Северной Евразии. Особенности южных и северных культур урало-западносибирского региона, проявляющиеся ярче всего в облике орнамента на керамике, в данном случае имеют по отношению к ней подчиненное значение.

В постсейминский период продолжается обособление южных и северных культур, что выражается, прежде всего, в орнаментации керамики. В таежной зоне от Урала до Томско-Нарымского Приобья наблюдается переход к декорированию посуды фигурными штампами, оставлявшими отпечатки в виде волны, прямого и косого креста. В приуральской части региона найдены и сами штампы-пинтадеры. Они имеют форму колесиков, прямоугольных плакеток и «сердечек» из обожженной глины. Оттиски подобных инструментов оставляли на сырой глине одно- и многорядовые волны, сетчатые и крестовые пояса, поэтому штампы и узоры часто именуется прокатанными. Постепенное исчезновение из декора гребенчатых узоров и, напротив, возрастание количества фигурных отпечатков наблюдается вплоть до раннего железного века (до VII н.э.). Этот процесс более ярко проявился на керамике ранних и поздних поселений лозьвинского и барсовского типов (соответственно, рр. Тавда, Конда, Нижнее и Сургутское Приобье) [Викторова 1970: 257—258; Чемякин 1989: 62, 64; Кокшаров 1991: 100].

Узоры, нанесенные гребенчатыми и волнистыми штампами, отмечены на сосудах хэяхинского типа в западносибирском Заполярье [Лашук, Хлобыстин 1986: 46—49, рис. 3]. Использование штампов в виде волны зафиксировано на керамике поселения Сартынья I [Васильев 1983: 53, рис. 7]. По декору она близка как лозьвинской, так и коршаковской посуде.

Керамика коршаковской культуры встречается на некоторых памятниках Ямала (Хадыта-Яха), приуральских тундр (Мой-ярей и Сандибей VI) и изначально связывалась с проникновением на северо-восток Европы зауральского населения [Стоколос 1992: 21—22]. Позже выяснилось, что она изготовлена путем выколотки стенок и по технологии изготовления аналогична восточносибирской сетчатой (вафельной) керамике. Вслед за Л. П. Хлобыстиным и

Л. П. Лашуком, В. С. Стоколос видит истоки коршаковской орнаментальной традиции в северных районах, куда включает Таймыр и смежные с ним территории. Эти памятники были оставлены одной из групп палеоазиатов — носителей ымяхтахской культуры, продвигавшихся на запад по евразийскому Заполярью на рубеже II—I тысячелетий до н.э. [Хлобыстин, Лашук 1986: 49]. Проникновение населения из арктических широт Сибири в Северное Приуралье, по-видимому, носило эпизодический и кратковременный характер [Стоколос 2000: 20–21]. Гипотезу о палеоазитской принадлежности носителей коршаковской культуры разделяет А. М. Мурыгин [2004: 212].

Влияние северных групп населения Западной Сибири распространяется и на южнотаежную зону Обь-Иртышья, где складываются культуры андронидного и ирменского круга. Это проявляется в заимствовании фигурных штампов в виде волны на V группе еловской керамики [Косарев 1981: Рис. 58, 4, 7–8, 18] и бархатовской посуде [Корочкова и др. 1991: 86–87, рис. 4, 9], в результате чего керамика южных культур приобретает специфический лесной колорит. Отдельные комплексы сочетают в себе сразу несколько орнаментальных традиций и становятся настолько необычными по своему облику, что археологи расходятся в определении их культурной принадлежности. Подобная ситуация сложилась в отношении таких памятников Нижнего Прииртышья, как Лучкино, Бозобырь, Малое Кугаево и др. Первая группа исследователей рассматривает эти памятники как сузгунско-лозьвинские [Галкин 1989: 130]. Вторая характеризует как сузгуно-лучкинские или относит к особому «андронидному» лучкинскому типу [Глушков 1991; Глушков, Захожая 2000: 31, 37]. Третья определяет их в качестве северного варианта сузгунской культуры [Степаненкова 1995: 110–111]. По мнению И. Г. Глушкова, керамика типа Лучкино на Иртыше и лозьвинский тип

керамики на Конде «отражают один культурно-типологический горизонт, вытянутый в широтном направлении. Южнее расположен еловско-сузгунский типологический горизонт, синхронный по времени таежному» [1991: 101–102].

В качестве свидетельств обратной связи можно рассматривать находки сузгунской или еловско-ирменской посуды на поселении барсовской культуры Барцевка IV в Сургутском Приобье [Чемякин, Кокшаров 1994: 112–113, рис. 1, 1–4; 2, 1; 3, 1], на Ендырском VIII поселении в Нижнем Приобье, на поселении Леуши IV в бассейне р. Конда. Результатом южных влияний, но не миграций андронидного населения, объясняется распространение меандров и меандровых узоров на посуде лозьвинского и атлымского типов [Кокшаров, Ермакова 1992: 12–21].

Примечательно, что на самой поздней лозьвинской и барсовской керамике все чаще встречаются узоры, выполненные крестовыми штампами. Вероятно, эти комплексы синхронны ранним поселениям атлымской культуры, образующим ядро круга памятников, содержащих посуду с крестовой орнаментацией. Переход к изготовлению горшков с дуговидными шейками и широкое использование крестового штампа (основные диагностирующие признаки керамики атлымского типа) рассматриваются исследователями в качестве культуроопределяющих и хронологических признаков и ассоциируются с переходным временем от бронзового века к железному. В результате возрастания влияния северного населения на соседей в южнотаежной зоне и лесостепи появляется шлейф памятников и культур, содержащих керамику с крестовой орнаментацией. Эта общность, включающая гамаюнскую, красноозерскую, молчановскую культуры, памятники завьяловского и карьковского типов, названа М. Ф. Косаревым гамаюнско-молчановской [1981: 181]. Небольшая примесь крестовой

керамики содержится в слоях сузгунских, бархатовских и позднерменских памятников западносибирской лесостепи [Корочкова и др. 1991: 87; Потемкина и др. 1995: 65; Молодин и др. 2001: 145, 152].

Металлообработка на памятниках постсейминского времени севера Западной Сибири представлена довольно широко, хотя специализированных мастерских пока не обнаружено. Создается впечатление, что навыками простейшего литья овладевает значительная часть проживавшего здесь населения. Частые находки на поселениях барсовской и атлымской культур: тигли и их обломки, фрагменты ошлакованной керамики, придонные части сосудов, в которых плавился металл, сплески.

О продукции литейщиков этого времени можно судить по литейным формам, металлическим вещам и единичным вотивным изделиям. Представительная часть этих предметов не связана непосредственно с памятниками таежных культур.

Великолепная серия вещей, демонстрирующих спектр отливаемых и используемых изделий, получена при раскопках городища красноозерской культуры Инберень VI в лесостепном Прииртышье [Стефанов 1985: 117–123, рис. 8, 9, 10, 9]. Здесь изготавливались кельты, напоминающие раннеананьинские, относящиеся к виду I 2B [Халиков 1977: Рис. 41]. Судя по матрицам для отливки наконечников стрел и самим бронзовым изделиям, они характерны для предскифского и раннескифского времени. Это наконечники с ромбовидной головкой и боковым шипом или наконечники листовидной формы с короткой выступающей втулкой и шипом. Вместе с тем, здесь найдены формы для изготовления крупных оригинальных подтреугольных наконечников стрел, в которых В. И. Стефанов видит прообразы изделий кулайского типа раннего железного века. Здесь же найден клинок бронзового кинжала с утраченной рукоятью,

имеющий ближайшие аналогии среди карасукского оружия Алтая и «карсук-тагарских» кинжалов Минусинской котловины [Стефанов 1985: 123, рис. 9, 1а, 9а, 9б, 11–13; 10, 9].

Среди технологической керамики инберенского комплекса встречаются формы для отливки пластинчатых ножей с кольцевым навершием или аркой на кронштейне, копья (дротика?) и других предметов.

Глиняные модельки наконечника одного копья с прорезным пером и двух кельтов с лобным ушком были найдены на поселении Сузгун IIa [Галкин 1989: Рис. 2, 1, 3, 5]. Подобные вещи характерны для приказанского металлургического очага, который в предананьинское время превращается едва ли не в самый мощный на территории Приуралья [Черных 1970: 116; Эпоха бронзы 1987: 143]. Створка формы из песчаника для клиновидного изделия, оснащенного ребром, происходит из жилища барсовской культуры поселения Барсова гора I/50 [Чемякин 1996: Рис. 4, 1]. При раскопках памятника Новый Катыйш (р. Конда) была найдена форма и сердечник из глины для отливки втульчатого асимметричного долота. В 2005 г. на р. Глубокий Сабун (бассейн р. Вах) был обнаружен кинжал карасукского облика (сообщение К. Г. Карачарова). Единственное на сегодняшний день плоское литое изображение медведя, связываемое с керамикой атлымской культуры, найдено в Нижнем Приобье [Васильев 1983а: 190].

Несмотря на большое количество всплесков и капель меди, химический состав металла постсейминских памятников севера Западной Сибири почти не исследовался. В настоящее время изучено несколько образцов с атлымских поселений Сургутского и Нижнего Приобья. Сургутские материалы (объект 107 поселения Барсова гора, селище Барсова гора II/16) принадлежат к оловянно-мышьяково-сурьмянистым бронзам, «связанным, видимо, с химико-метал-

лургической группой ВК (волго-камской)». Контакты населения Сургутского Приобья с уральским подтверждаются находками керамики гамаюнской культуры [Кузьминых, Чемякин 1998: 114]. В образцах металла Ендырского VIII поселения (атлымский комплекс) отмечено повышенное содержание мышьяка и серебра, и в одном случае сурьмы. Химический состав металла красноозерской культуры существенно отличается от более раннего черноозерского и розановского [Стефанов 1985: 127].

В постсейминский период в таежной зоне Западной Сибири наблюдается распространение укрепленных поселений — городищ [Васильев 1980: 9], что, однако, не приводит к исчезнове-

нию больших укрепленных жилищ. Их появление объясняется расселением лесного населения, оказывавшегося в инокультурном окружении и оставившего памятники атлымской культуры. Атлымские городища отличает слабовыраженная оборонительная система, что сближает их с фортификациями начала раннего железного века [Зыков, Кокшаров 2000: 120–121]. Если в приуральской части региона продолжает сохраняться традиция возведения крупных жилищ, обнесенных оборонительными стенами и рвами [Борзунов 1992: 42], то в Среднем Приобье отмечено начало строительства наземных жилищ площадью 225–300 кв. м, окруженных по периметру внешними ямами [Елькина 1977: 109; Чемякин 1996: 66].

Литература

- Археология Западной Сибири в свете новейших открытий: Проспект выставки. 2002. Ханты-Мансийск. 35 с.
- Берс Е. М. 1976. Поздненеолитическое погребение на р. Ая в Среднем Зауралье // СА. № 4. С. 197–200.
- Беспрозванный Е. М., Старостина Е. Е. 1986. Погребение в Нижнем Прииртышье // Проблемы уралосибирской археологии. Свердловск: УрГУ. С. 33–38.
- Борзунов В. А. 1992. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков. Екатеринбург: УрГУ. 188 с.
- Борзунов В. А. 1999. Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии // РА. № 4. С. 5–23.
- Борзунов В. А., Погодин А. А. 2001. Раскопки укрепленного жилища Быстрый Кульеган 38 (12) // АО-2000. М.: Наука.
- Васильев Е. А. 1980. Миграционные процессы в таежной части Обского бассейна в эпоху бронзы // Вопросы этнокультурной истории Сибири. Томск: ТГУ. С. 3–10.
- Васильев Е. А. 1982. Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников) // Археология и этнография Приобья. Томск: ТГУ. С. 3–14.
- Васильев Е. А. 1983а. Исследования в Нижнем Приобье // АО-1981. М.: Наука. С. 190.
- Васильев Е. А. 1983б. Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: ТГУ. С. 40–62.
- Васильев Е. А. 1989. Энеолит и ранний бронзовый век средне- и северотаежного Приобья // Автореф. дис... канд. ист. наук. М. 21 с.
- Васильев Е. А. 1996. Погребальные комплексы Ясунского озера // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск: ТГУ. С. 36–46.
- Васильев Е. А. 2000. Обретение прошлого, или в поисках легендарных сихиртя // Ямал: Грань веков и тысячелетий. Салехард; СПб: «Русская коллекция». С. 254–274.
- Визгалов Г. П. 1988. Поселения с гребенчато-ямочной керамикой бассейна Конды // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ. С. 47–53.
- Викторова В. Д. 1970. Этапы развития фигурноштампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: ТГУ. С. 255–270.
- Галкин В. Т. 1989. Сузгунско-лозьвинские поселения в Тобольском Прииртышье // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: ТюмГУ. С. 129–136.
- Генинг В. Ф., Стефанова Н. К. 1994. Черноозерье I — могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. Екатеринбург: УрГУ. 67 с.

- Глушков И. Г. 1991. Поселение Лучкино I — памятник поздней бронзы низовий Иртыша // Источники по этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ. С. 93—103.
- Глушков И. Г., Захожая Т. М. 2000. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья. Сургут: СурГПИ. 200 с.
- Грушин С. П. 2002. Основные концепции археологической периодизации памятников эпохи бронзы юга Западной Сибири // Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: Материалы Всерос. конф. Барнаул: АГУ. С. 84—88.
- Грушин С. П. 2004. Комплексы эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья и проблема формирования сейминско-турбинских традиций Северной Евразии // VI исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Материалы Всерос. науч. конф. (Омск, ноябрь 2004 г.). Омск: ОмГУ. С. 158—161.
- Елькина М. В. 1977. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: УрГУ. С. 104—118.
- Елимахов А. В., Хэнкс Б., Ренфрю К. 2005. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. № 4. С. 92—102.
- Зайберт В. Ф. 1993. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск: «Наука», Республика Казахстан. 246 с.
- Зах В. А., Зотова С. В., Панфилов А. Н. 1991. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: ОмГУ. С. 13—42.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. 2000. Атымские городища // Памятники Югры: Вчера, сегодня, завтра. Томск: ТГУ. С. 106—123.
- Кирюшин Ю. Ф. 2004. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул: АГУ. 395 с.
- Ковалева В. Т. 1995. Энеолит Среднего Зауралья: Андреевская культура. Препринт. Екатеринбург: УрГУ. 62 с.
- Ковалева В. Т. 1997. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково II. Екатеринбург: УрГУ. 132 с.
- Ковалева В. Т., Кокшаров С. Ф., Чаиркина Н. М., Шорин А. Ф. 1998. Энеолит Урала // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург. С. 604—605.
- Ковалева В. Т., Рыжкова О. В., Шаманаев А. В. 2000. Ташковская культура: Поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург: УрГУ. 160 с.
- Кокшаров С. Ф. 1991. Хронология памятников бронзового века р. Конды // ВАУ. Вып. 20. Екатеринбург: УрГУ. С. 92—101.
- Кокшаров С. Ф. 1992. Социально-экономическая модель кондинского общества в позднем энеолите — бронзовом веке // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург: УрО РАН. С. 3—17.
- Кокшаров С. Ф. 1993а. Восточно-уральская культурно-историческая общность эпохи энеолита // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII Уральского археологического совещания, 19—22 апреля 1993 г. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, УрГУ. С. 88—90.
- Кокшаров С. Ф. 1993б. Энеолит и бронзовый век бассейна р. Конды // Автореф. дис... канд. ист. наук. М. 22 с.
- Кокшаров С. Ф., Ермакова Н. Н. 1992. Меандровые узоры на керамике лозьвинского и атымского типов // Орнамент народов Сибири. Томск: ТГУ. С. 12—21.
- Кокшаров С. Ф., Погодин А. А. 2005. Мастерская бронзового века на р. Ендырь // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2. С. 100—113.
- Кокшаров С. Ф., Чемякин Ю. П. 1991. Памятник бронзового века в окрестностях д. Сайгатино // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: ОмГУ. С. 43—52.
- Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Стефанова Н. К. 1991. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам УАЭ) // ВАУ. Вып. 20. Екатеринбург: УрГУ. С. 70—92.
- Косарев М. Ф. 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука. 278 с.
- Косарев М. Ф. 1993. Из древней истории Западной Сибири. Общая историко-культурная концепция // Российский этнограф. Вып. 4. 284 с.
- Косинская Л. Л. 2000. Археологические памятники бассейна реки Пур (итоги исследований 1990—1998 гг.) // Научный вестник. Вып. 3. Археология и этнология: Материалы науч.-исслед. конф. по итогам полевых исследований 1999 г. Салехард. С. 13—23.
- Косинская Л. Л., Федорова Н. В. 1994. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Препринт. Екатеринбург: УрО РАН. 114 с.
- Крижевская Л. Я. 1977. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: ЛГУ. 160 с.
- Кузьминых С. В. 1993. Квазиэнеолитические культуры Северной Евразии: Проблема периодизации // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII Уральского археологического совещания, 19—22 апреля 1993 г. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, УрГУ. С. 116—119.

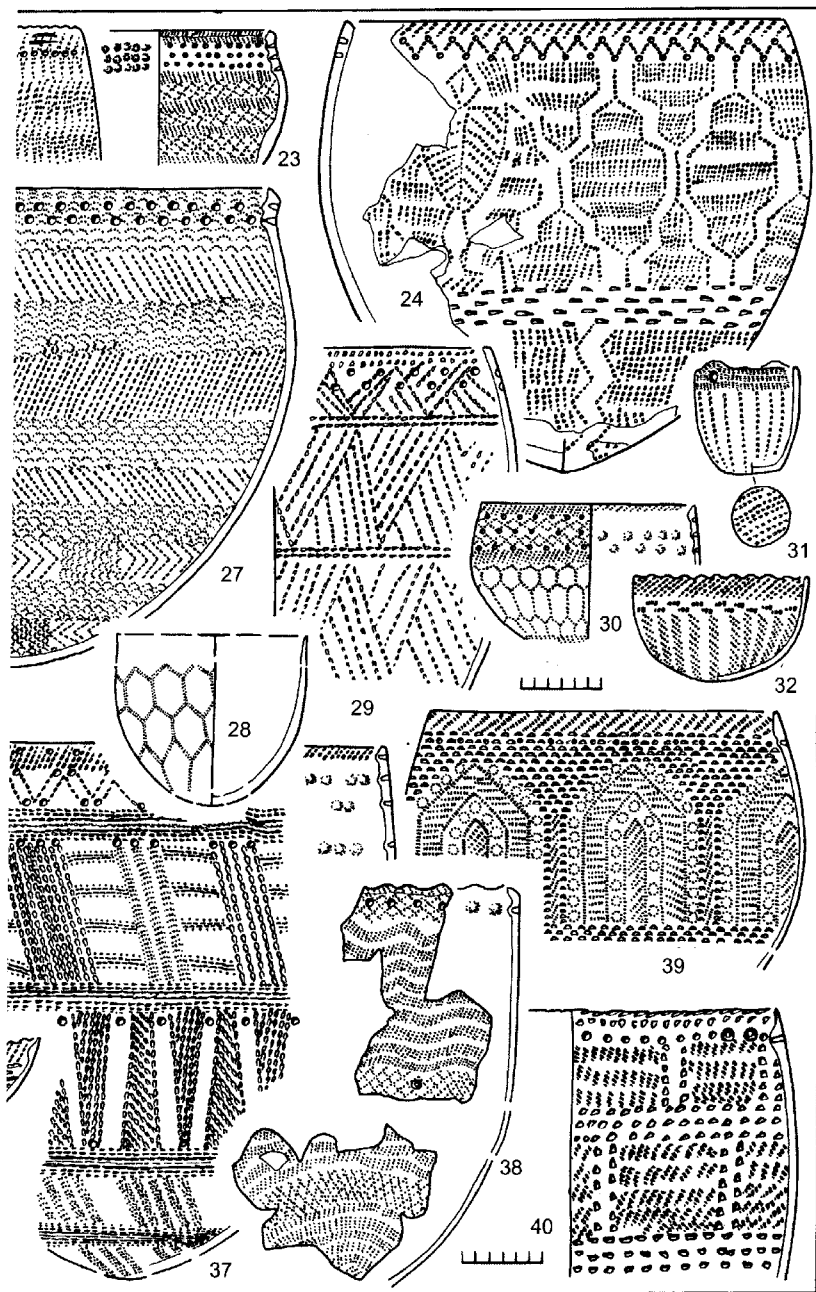
- Кузьминых С. В., Чемякин Ю. П. 1998. Об источниках цветного металла в древних культурах Сургутского Приобья // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: Материалы XI Западносибирской археолого-этнографической конф. Томск: ТГУ. С. 113–116.
- Лашук Л. П., Хлобыстин Л. П. 1986. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. № 185. С. 43–50.
- Матюшин Г. Н. 1982. Энеолит Южного Урала. М.: Наука. 328 с.
- Матющенко В. И. 1973а. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 1: Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (Верхнеобская неолитическая культура) // Из истории Сибири. Вып. 9. Томск: ТГУ. 149 с.
- Матющенко В. И. 1973б. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 2: Самусьская культура // Из истории Сибири. Вып. 10. Томск: ТГУ. 141 с.
- Матющенко В. И. 1973в. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 3: Андроновская культура на Верхней Оби // Из истории Сибири. Вып. 11. Томск: ТГУ. 118 с.
- Матющенко В. И. 1974. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 4: Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Вып. 12. Томск: ТГУ. 196 с.
- Матющенко В. И., Синицына Г. В. 1988. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: ТГУ. 136 с.
- Молодин В. И. 1983. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: АГУ. С. 96–109.
- Молодин В. И. 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука. 200 с.
- Молодин В. И., Парцингер Г., Гаркуша Ю. Н., Шнеевайс Й., Гришин А. Е., Новикова О. Н., Ефремова Н. С., Чемякина М. А., Мыльникова Л. Н., Васильев С. К., Беккер Г., Фасбиндер Й., Майнштейн А. К., Дядьков П. Г. 2001. Чича — городище переходного от бронзы к железу времени Бабинской лесостепи (первые результаты исследований). Новосибирск: ИАЭ СО РАН. 240 с.
- Морозов В. М., Стефанов В. И., Погодин А. А. 2001. Древнее поселение в бассейне Казыма // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут: СурГПИ. С. 26–34.
- Мосин В. С. 2005. Мезолит — энеолит Южного Зауралья // Автореф. дис... докт. ист. наук. Новосибирск. 56 с.
- Мурьгин А. М. 2004. Западносибирский этнокультурный компонент на крайнем Северо-Востоке Европы: ареал посещения или многовекового обитания // IV Берсовские чтения. Екатеринбург: ООО «АКВА-ПРЕСС». С. 207–224.
- Погодин А. А. 2002. Техничко-функциональная характеристика каменного инвентаря могильника Товкуртлор 3 // Северный археологический конгресс: Тез. докл. 9–14 сентября 2002 г. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Академкнига. С. 247–248.
- Посредников В. А. 1973. Большееларьякское поселение II — археологический памятник Сургутского Приобья // Из истории Сибири. Вып. 5. Томск: ТГУ. С. 65–93.
- Потемкина Т. М., Корочкова О. Н., Стефанов В. И. 1995. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М.: ПАИМС. 208 с.
- Старков В. Ф. 1980. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука. 220 с.
- Степаненкова Э. В. 1995. Лучкинский тип керамики: Эпоха поздней бронзы // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. Томск: ТГУ. С. 110–111.
- Стефанов В. И. 2001. Новые материалы по энеолиту Прикамыжья // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут: СурГПИ. С. 35–39.
- Стефанов В. И. 2006. Могильник Товкуртлор 3: Сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // РА. № 1. С. 44–58.
- Стефанов В. И., Морозов В. М. 1992. Энеолитический памятник в бассейне р. Казыма // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН. С. 77–91.
- Стефанова Н. К. 1985. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука. С. 54–62.
- Стефанова Н. К. 1988. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ. С. 53–75.
- Стефанова Н. К., Кокшаров С. Ф. 1988. Поселение бронзового века на р. Конде // СА. № 3. С. 161–174.
- Стоколос В. С. 1986. Древние поселения Мезенской долины. М.: Наука. 192 с.
- Стоколос В. С. 1992. Энеолит и бронзовый век Северного Приуралья: Автореф. дис... докт. ист. наук. М.: Коми НЦ УрО РАН. 40 с.
- Стоколос В. С. 2001. Вопросы этногенеза Северного Приуралья в энеолите и бронзовом веке // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН. С. 6–24.
- Чаиркина Н. М. 1995. Энеолит Среднего Зауралья: Автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск. 21 с.

- Чемякин Ю. П. 1989. Сургутское Приобье в эпоху бронзы и раннего железа // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск. С. 60–74.
- Чемякин Ю. П. 1994. Каменный и бронзовый век Сургутского Приобья (культурно-хронологическая периодизация археологических памятников): Автореф. дис... канд ист. наук. Ижевск. 21 с.
- Чемякин Ю. П. 1996. Жилище эпохи поздней бронзы в Сургутском Приобье // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск: ТГУ. С. 64–76.
- Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. 2002. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е изд. Екатеринбург: «Тезис». С. 7–74.
- Чемякин Ю. П., Кокшаров С. Ф. 1994. Новое поселение барсовской культуры // Жилища народов Западной Сибири. Томск: ТГУ. С. 106–114.
- Чернецов В. Н. 1953. Древняя история Нижнего Приобья. МИА. № 35. С. 7–71.
- Черных Е. Н. 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. МИА. № 172. 180 с.
- Черных Е. Н. 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. № 4. С. 53–82.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В. 1989. Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука. 320 с.
- Юнгнер Х., Карпелан К. 2005. О радиоуглеродных датах Усть-Ветлужского могильника // РА. № 4. С. 112.
- Юровская В. Т. 1973. Классификация и относительная хронология археологических памятников эпохи бронзы на Андреевском озере у г. Тюмени // ВАУ. Вып. 12. Свердловск: УрГУ. С. 3–20.
- Юровская В. Т. 1975. Неолитическое жилище на стоянке Козлов Мыс I // ВАУ. Вып. 13. Свердловск: УрГУ. С. 86–91.

Рис. 1. Древности энеолита:

- 1, 20, 31, 37 — поселение Атымья VII; 2 — поселение Атымья II;
 3, 6, 12, 21, 26, 30, 33, 36, 40 — поселение Геологическое XVI;
 4, 11, 28, 34 — поселение Тух-Сигат IV (по Ю. Ф. Кирюшину);
 5, 14, 17, 38–39 — поселение Геологическое III;
 7, 27 — поселение Амня IA (по В. М. Морозову, В. И. Стефанову);

8 — поселение Пашкин Бор I; 9, 22 — поселение Амня II (по В. И. Стефанову);
 10, 13, 24–25 — поселение Волонча I; 15 — погребение на поселении Леуши XIV (по
 Е. М. Беспрозванному, Е. Е. Старостиной); 16, 29 — погребение № 1 Баровского II
 могильника (по Ю. П. Чемякину); 18 — поселение Атымья IV;
 19 — поселение Соровское II; 23 — поселение Полябта; 32 — поселение Хулюм-сунг I
 (по Е. А. Васильеву); 35 — поселение на XII участке ЮАО (по В. Т. Юровской)

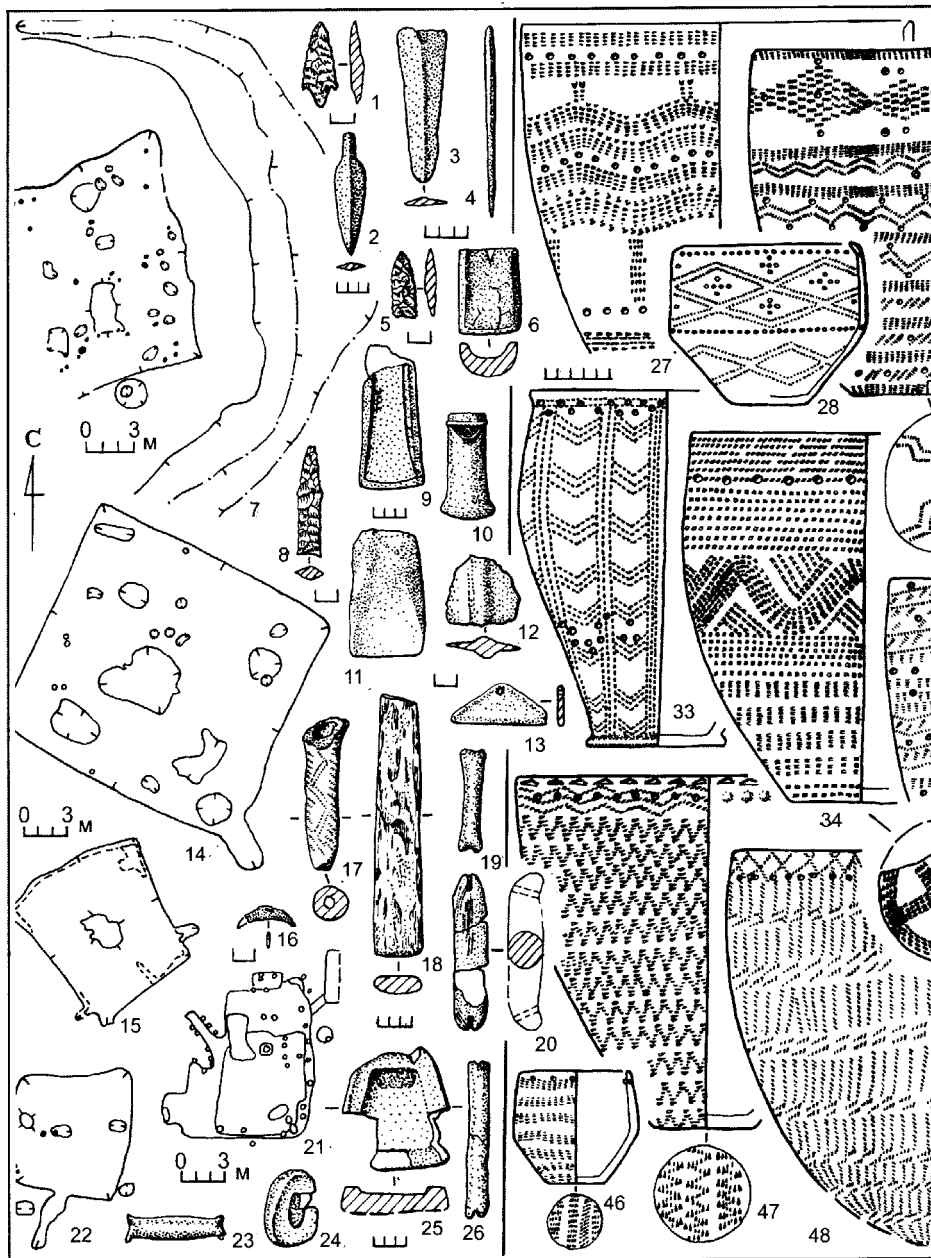
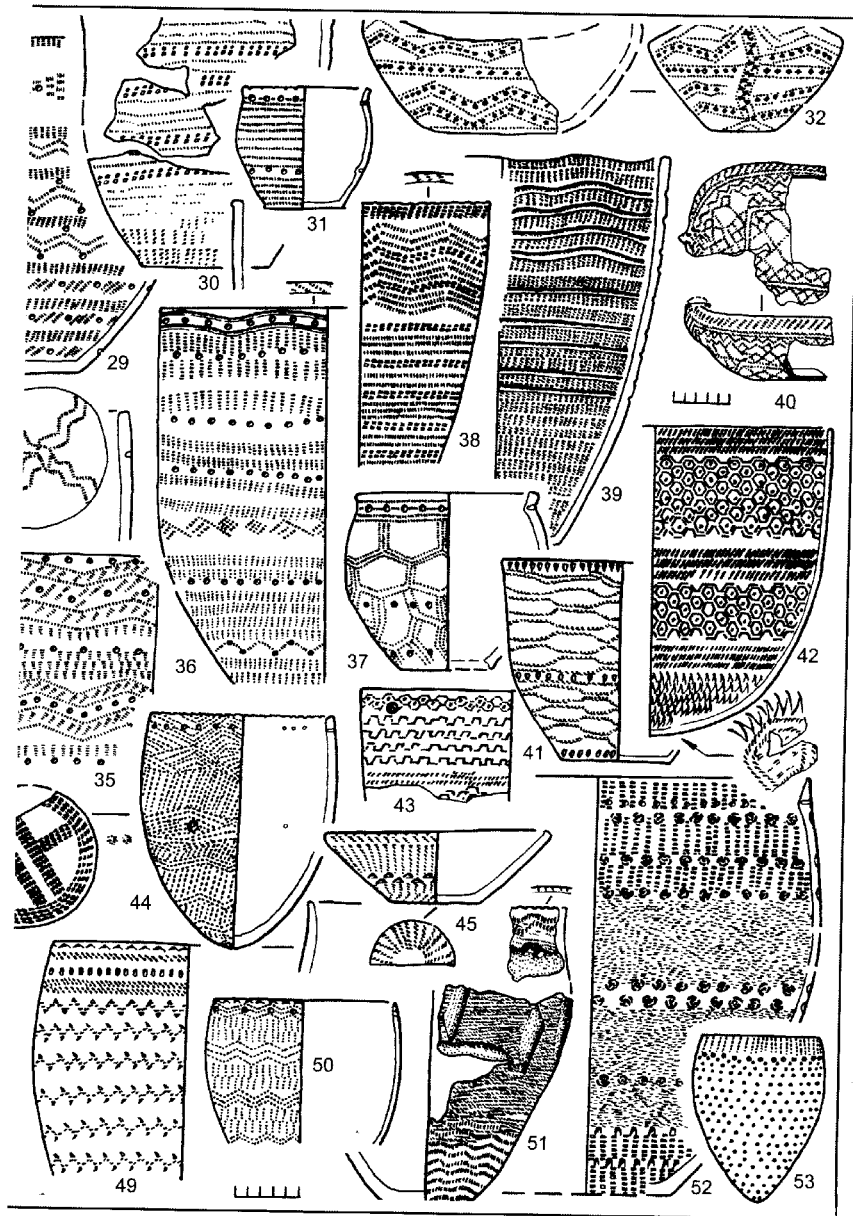

Рис. 2. Бронзовый век (досейминский период):

- 1, 6-7, 27-28 — поселение Пашкин Бор I;
 2, 9, 34 — поселение Тух-Эмтор IV (по Ю. Ф. Кирюшину);
 3-5, 8, 11, 16, 18, 32 — поселение Геологическое III; 10 — поселение Волвонча I;
 12, 21, 26, 31, 33, 37 — поселение Тух-Сигат IV (по Ю. Ф. Кирюшину);
 13-14, 49-50 — поселение Сартынья I (по Е. А. Васильеву);
 15, 30, 39 — поселение Барсова гора II/8 (по Ю. П. Чемякину, К. Г. Карачарову);
 17, 23, 44-45, 47-48, 52 — поселение Геологическое XVI;

- 19 — поселение Ташково II (по В. Т. Ковалевой); 20 — поселение Коим (по А. С. Сергееву);
 22, 24–25, 53 — поселение Лева VIII (по Г. П. Визгалову);
 29 — поселение Щетнматолор (по Л. Л. Косинской); 35–36 — поселение Геологическое VII;
 38 — городище Барсов городок II/14 (ранний слой);
 40, 42–43 — поселение Вары-Хадьта II (по Е. А. Васильеву);
 41 — поселение ЮАО XIII (по В. Т. Ковалевой);
 46 — могильник Степановский (по Ю. Ф. Кирюшину);
 51 — селище Барсова гора I/3Б (по Ю. П. Чемякину, К. Г. Карачарову)

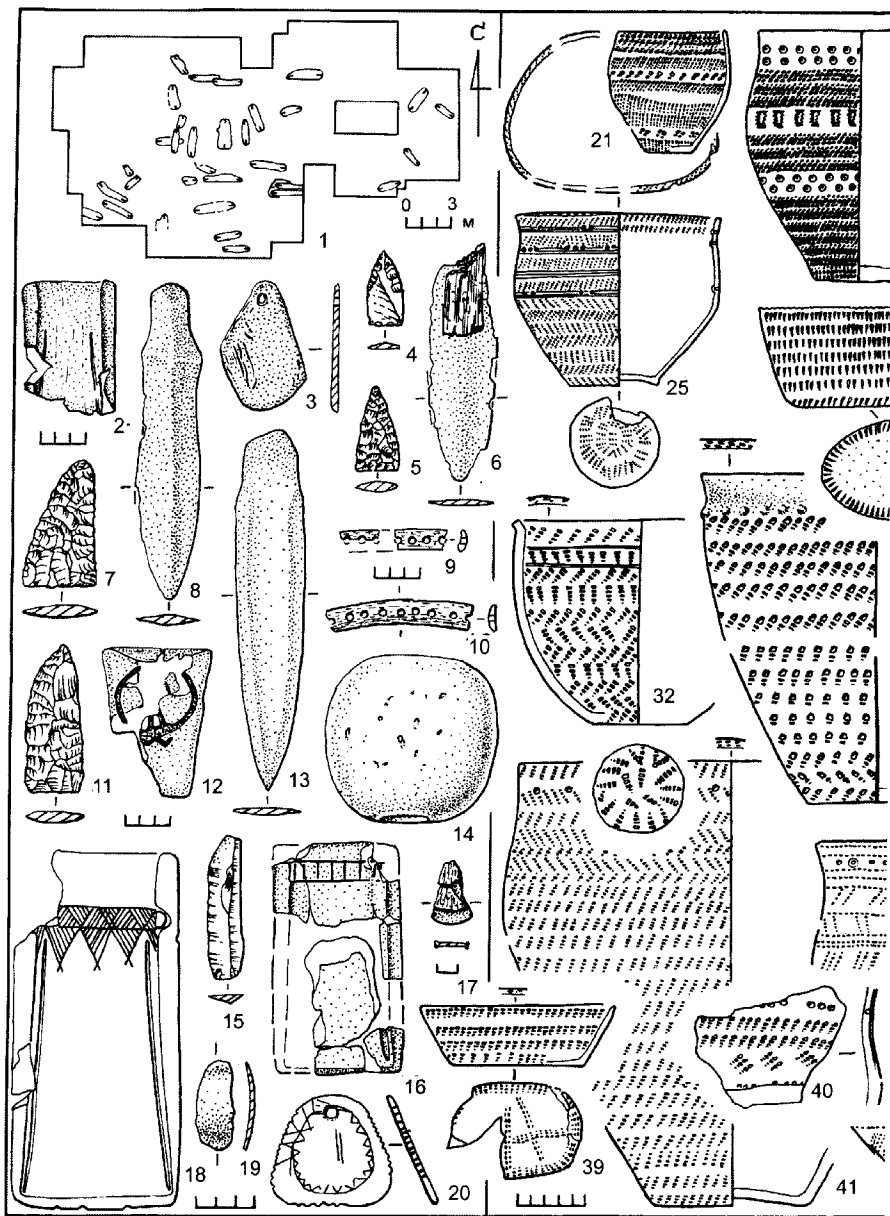
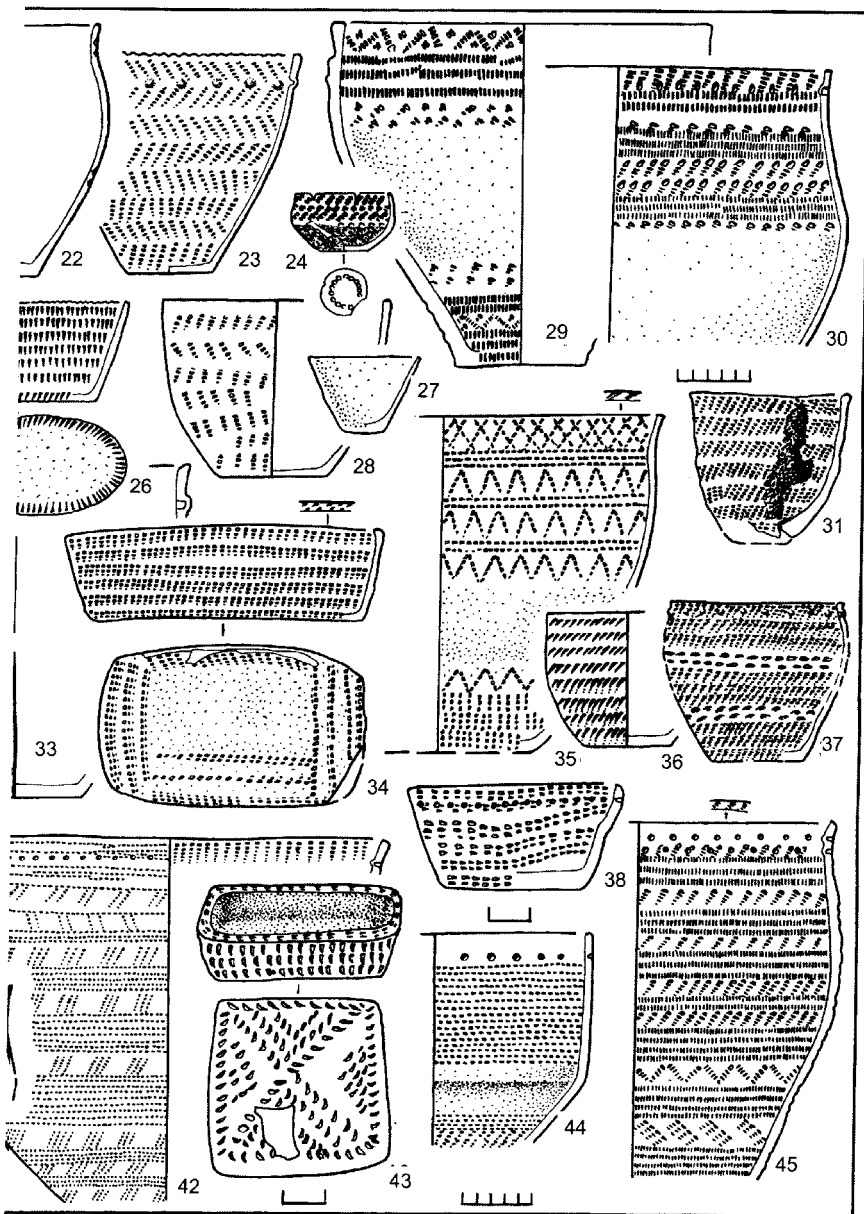

Рис. 3. Бронзовый век (сейминский период):

1, 4, 6, 8, 10–11, 13–17, 23, 25–28, 32, 34–36, 39 — могильник Сатыга XVI

(по Е. М. Беспрозванному и др.);

2, 9, 12, 18, 20, 33, 38, 41, 43 — культовый комплекс Сайгатино VI;

3, 5, 19, 21–22, 24, 31, 37 — могильник Товкуртлор 3 (по В. И. Стефанову);

7 — р. Сыня; 29 — поселение Нангакорка;

30, 40, 42, 44–45 — поселение Ленино

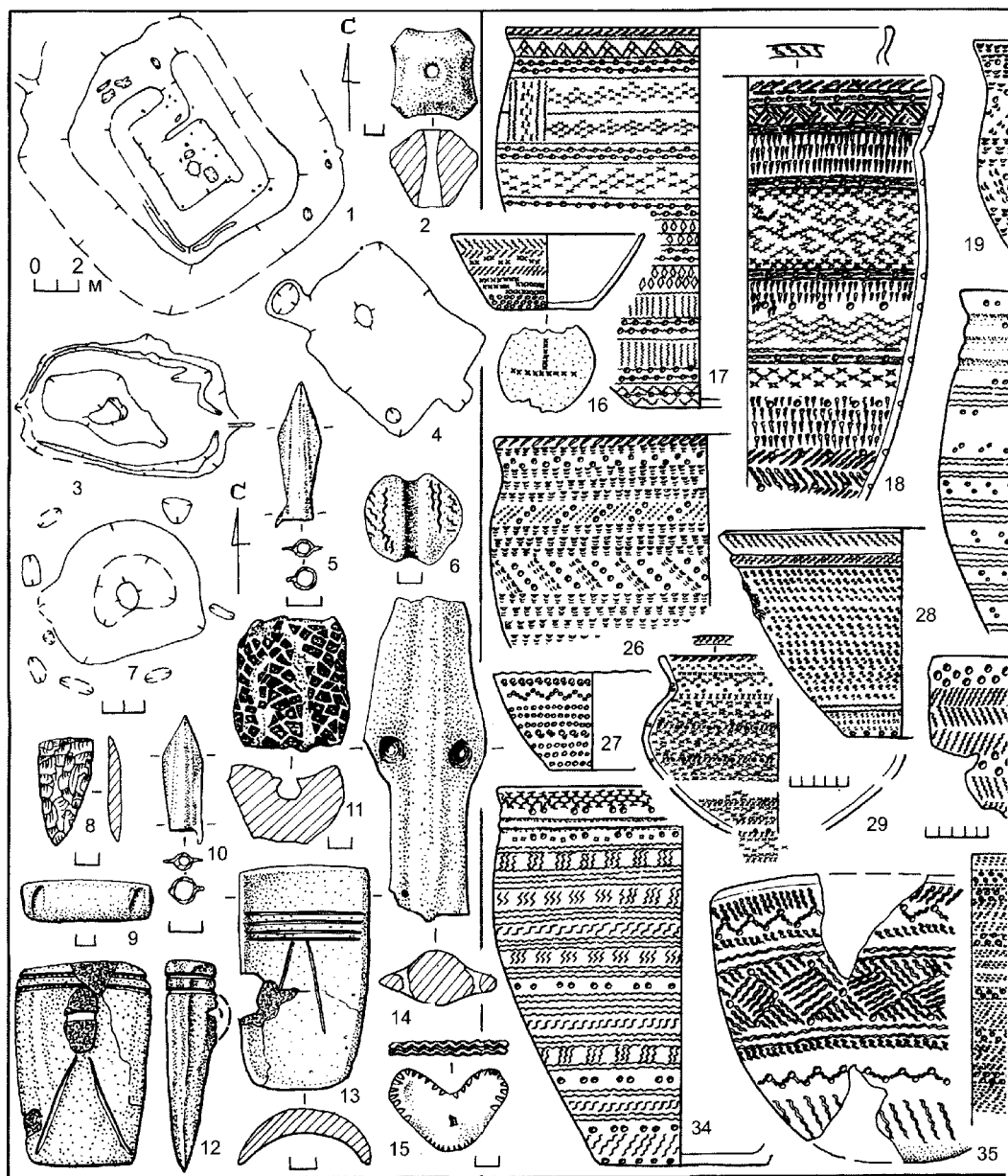
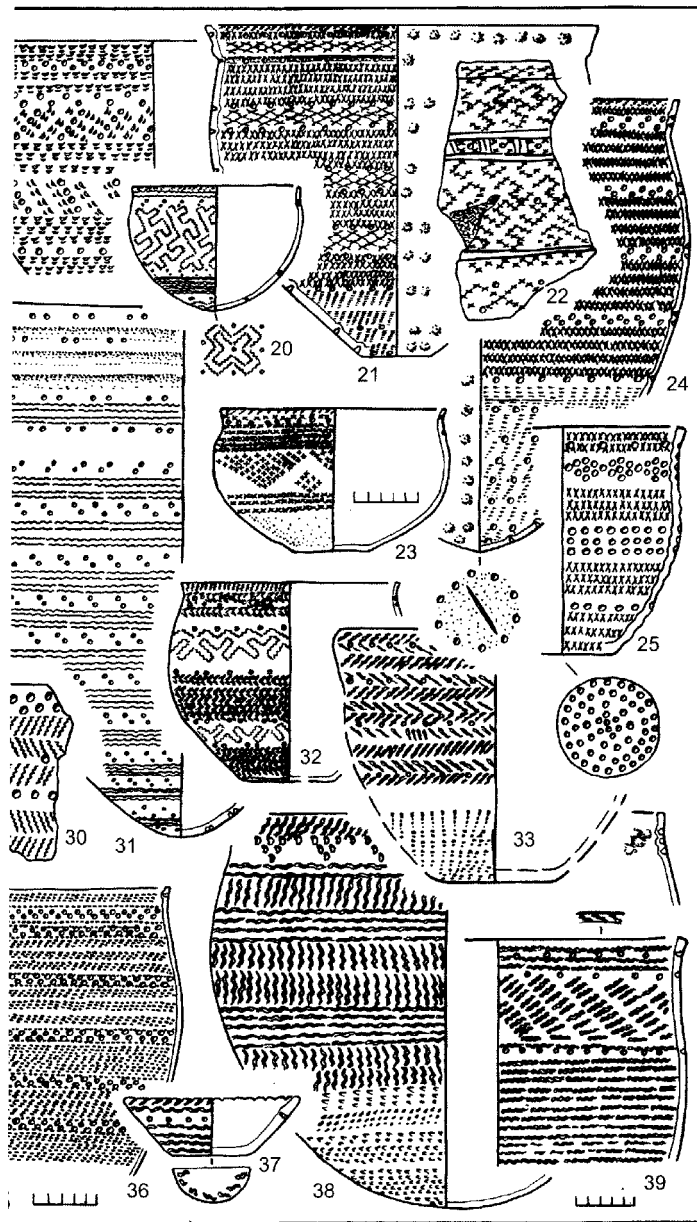

Рис. 4. Бронзовый век (постсейминский период):

- 1 — Туманское (нижнее) укрепленное жилище (по В. А. Борзунову); 2, 9 — поселение Барсова гора III, объект 107; 3, 38 — поселение Низямы VIII (по В. М. Морозову); 4, 20, 31–32 — поселение Талья I (по Л. Н. Сладковой); 5, 10, 13 — городище Инберень VI (по М. Б. Абрамовой, В. И. Стефанову); 6 — р. Конда; 7 — поселение Барсова гора III/4, объект 437 (по Ю. П. Чемякину); 8, 21, 24 — поселение Ендырское VIII; 11 — р. Конда; 12, 14 — поселение Сузгун III (по В. Т. Галкину); 15 — Туманские укрепленные жилища (по В. А. Борзунову); 16, 27 — поселение Чилимка XXI (по И. Г. Глушкову, Т. М. Захожей);

17 — поселение Тух-Сигат IV (по Ю. Ф. Кирюшину); 18, 29, 33 — селище Барсова гора II/16;
 19, 26 — культовое место Лучкино I (по И. Г. Глушкову, Т. М. Захожей); 22 — поселение Перна-
 шор (по Л. П. Лашуку, Л. П. Хлобыстину); 23 — поселение Чилимка XIII (по И. Г. Глушкову,
 Т. М. Захожей); 25 — Малоатлымское II городище (ранний слой); 28 — поселение Барцевка IV;
 30, 35 — Хэяхинская стоянка (по Л. П. Лашуку, Л. П. Хлобыстину, Л. Л. Косинской,
 Н. В. Федоровой); 34 — поселение Барсова гора I/43 (по Ю. П. Чемякину);
 36 — поселение Чилимка I (по И. Г. Глушкову, Т. М. Захожей); 37 — поселение Соровское II;
 39 — поселение Барсова гора I/40

УДК 902 (5711)
0.69+0.69(4)+069(6)
ББК 63.4 (253.3)

Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: «Чароид», 2006. — 152 с., цв. илл. 64 с.

ISBN 5-94166-072-3

Доклад, подготовленный для пленарного совещания II Северного археологического конгресса, включает материалы археологических исследований на территории таежного Обь-Иртышья с древности до наших дней. Ведущие российские археологи рассказывают об итогах многолетних научных изысканий на севере Западной Сибири и проблемах современного состояния науки. Специалисты по охране и использованию историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа повествуют о новых формах и методах работы, определяют специфику, перспективы, основные направления развития археологии в регионе. Представители окружной администрации и муниципальных учреждений совместно с учеными вырабатывают новую стратегию сохранения и использования археологического потенциала Югры.

Книга предназначена для широкого круга читателей: археологов, антропологов, этнографов, историков и всех интересующихся древней историей Урала и Сибири.

Ответственные редакторы:

В. И. Стефанов, Е. В. Перевалова

**Северный археологический конгресс проводится на средства
Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры**

Финансовая поддержка:

Российский фонд фундаментальных исследований

Спонсоры:

ООО «ЛУКОЙЛ—Западная Сибирь»
(ген. директор — Николай Владимирович Инюшин)

НК «Салым Петролиум Девелопмент Н.В.»
(ген. директор — Дейл Роллинз)

© Коллектив авторов, 2006

© Департамент культуры и искусств

Ханты-Мансийского

автономного округа — Югры, 2006

ISBN 5-94166-072-3